

После той нежной заботы, когда Се Юньшэнь успокаивал его, словно поглаживая шерсть, невидимые оковы, сковывавшие Линь Яня, казалось, окончательно пали. Он начал по-настоящему воспринимать этот пентхаус как свою территорию, а Се Юньшэня — как единственный центр своего мира.

Он стал очень привязчивым.

Когда Се Юньшэнь работал в кабинете, Линь Янь забирался в угол огромного дивана, обняв мягкую подушку. Он не мешал, просто тихо сидел там, лишь изредка поднимая глаза, чтобы убедиться, что этот статный силуэт всё ещё на месте. Убедившись, он с довольным видом продолжал бездумно смотреть в пространство или дремать.

Когда Се Юньшэнь читал в гостиной, Линь Янь непременно садился рядом на ковёр, прислонившись спиной к его ногам, словно это была самая надежная опора в мире.

Се Юньшэнь, похоже, был только рад такому положению дел, можно даже сказать — потакал ему. Он никогда не считал, что Линь Янь мешает. Напротив, когда тот засыпал, прислонившись к нему, он бережно укрывал его пледом, а когда Линь Янь сидел на ковре, Се Юньшэнь машинально клал руку ему на голову, рассеянно поглаживая волосы.

Дядя Чжоу, наблюдая за этим, хранил привычное молчание и почтительность, но, готовя послеобеденный чай, он незаметно пододвигал любимые лакомства Линь Яня поближе к нему.

Однако этот покой нарушил резкий звонок.

В тот день к Се Юньшэню пришел его личный врач Чэн Цзинь для планового осмотра. Чэн Цзиню было около тридцати, он носил очки в золотой оправе и выглядел подчеркнуто профессионально. Казалось, они с Се Юньшэнем были старыми знакомыми — в их манере общения сквозило давнее доверие.

Осмотр проходил в медицинской комнате рядом с кабинетом. Линь Янь поначалу хотел последовать за ними, как маленький хвост, но Се Юньшэнь мягко его остановил:

— Подожди меня снаружи, я скоро освобожусь.

Линь Янь был не в восторге, но послушно остался у дверей, с тоской глядя, как они закрываются. Он начал мерить шагами коридор, словно взаперти оказавшийся, встревоженный зверёк.

Примерно через полчаса дверь открылась. Чэн Цзинь вышел первым, что-то записывая в электронную карту, и тихо напутствовал провожавшего его Се Юньшэня:

— Показатели в норме, но лекарства бросать нельзя. Береги себя, избегай переутомления и

эмоциональных потрясений.

Се Юньшэнь слегка кивнул. Его лицо было бледнее обычного, губы казались почти бесцветными, но улыбка оставалась мягкой:

— Понял, спасибо, что приехал.

Чэн Цзинь поднял глаза и, заметив за спиной Се Юньшэня неотступно следовавшего за ним Линь Яня, едва заметно удивился. Он, очевидно, знал о существовании юноши, но явно не ожидал, что отношения между ними настолько... близкие.

Из профессиональной привычки, а может, из искренней заботы о здоровье Се Юньшэня, Чэн Цзинь обратился к Линь Яню, стараясь говорить спокойно:

— Господину Се нужен покой. Пожалуйста, присматривай за ним, не давай ему лишний раз перенапрягаться.

Это были самые обычные слова.

Однако реакция Линь Яня превзошла все ожидания.

Он словно в одно мгновение ошетинился, сделав шаг вперед и заслонив собой Се Юньшэня, словно верный страж. Вся нежность, которую он проявлял к Се Юньшэню, исчезла без следа, сменившись неприкрытой, враждебной настороженностью. Его красивые брови сошлись на переносице, взгляд стал острым, как лезвие, и он прорычал, глядя прямо на врача:

— С ним всё хорошо! Не твое дело!

В этот момент он был похож на волчонка, защищающего свою территорию и скалящего молочные зубы на чужака.

Чэн Цзинь, опешив от такой внезапной агрессии, поправил очки и растерянно посмотрел на Се Юньшэня.

Се Юньшэнь тоже на мгновение замер, но следом в его глазах разлилась глубокая, полная удовлетворения улыбка, словно капля туши в чистой воде. Он не стал ругать Линь Яня за грубость, вместо этого положил руку ему на напряженное плечо, успокаивающе поглаживая.

— Доктор Чэн просто хотел как лучше, — его голос звучал снисходительно и даже с ноткой невыразимого удовольствия. — Не нервничай.

Почувствовав тепло и тяжесть его руки, Линь Янь постепенно перестал «топорщить шерсть», но всё ещё продолжал сжимать губы, исподлобья глядя на Чэн Цзиня, пока тот под извиняющимся взглядом Се Юньшэня поспешно не попрощался.

Как только дверь закрылась, в коридоре снова воцарилась тишина.

Линь Янь резко повернулся и поднял голову на Се Юньшэня. В его красивых глазах ещё теплилась остаточная ярость, но теперь в них больше читалось беспокойство и обида. Он осторожно ухватился за полу плаща Се Юньшэня, пробормотав:

— Он... он сказал, что ты болен.

Се Юньшэнь опустил взгляд на пальцы юноши, до побеления сжимавшие ткань его одежды. Где-то глубоко внутри у него разлилось странное, переполняющее чувство. Он перехватил прохладную руку Линь Яня и полностью спрятал её в своей теплой ладони.

— Это старая болячка, ничего страшного, — он потянул Линь Яня в сторону гостиной, стараясь говорить легко, чтобы развеять мрачные мысли. — А вот ты, чего такой злой был?

Линь Янь неотступно следовал за ним. Услышав вопрос, он тихо покраснел, но упрямо буркнул:

— ...Кто его просил такое говорить. — Он помолчал, добавив едва слышно, с невольной зависимостью и собственничеством: — Ты... ты мой... ты самый лучший и самый сильный.

Ты только мой. Он не решился произнести это вслух, но невысказанное окончание фразы и жадный блеск в глазах говорили сами за себя.

Се Юньшэнь остановился и повернулся к Линь Яню. Свободной рукой он нежно коснулся всё ещё надутых щек юноши, чьи глаза были полны негодования, — его движения были трепетными и ласковыми.

— Да, — ответил он, и его взгляд, темный, как ночь, забурился скрытыми чувствами, которые Линь Янь не мог до конца понять. — Я твой.

Значит, и ты мой. Это было немое клеймо, оставленное на душах друг друга.

От этих слов глаза Линь Яня вспыхнули, словно в них отразились звезды. Вся тревога и ярость исчезли. Он сам подался вперед, едва не втиснувшись в объятия Се Юньшэня, и уткнулся лбом в его плечо, ластясь, как котенок.

— Тогда тебе нужно быть осторожнее, — пробормотал он.

— Хорошо, — легко согласился Се Юньшэнь. Он обнял его за худые плечи, прижимая к себе этого волчонка, который показал ему свое мягкое брюшко, но был готов вцепиться в горло любому другому.

Он наслаждался этим чувством полной зависимости и сильного собственничества. Это убеждало его в том, что драгоценность, которую он так тщательно оберегал, наконец научилась защищать свои права на него единственным доступным ей способом.

Прекрасно. Се Юньшэнь слегка прищурился, чувствуя тепло чужого тела, и уголки его губ тронула довольная улыбка.

Его волчонок научился охранять свою добычу.

<http://bllate.org/book/18641/1795287>